

СТЕРЕОТИП СУПРУЖЕСТВА В ПОСЛОВИЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Институт семьи подвергается сегодня значительным изменениям, что находит отражение в том числе и в СМИ. По мнению социологов С. Н. Буровой и А. В. Демидовой, «в постсоветском обществе изменение сущности семьи происходит под остаточным влиянием советской идеологии, процессов трансформации общества, общеевропейских тенденций в сфере брачно-семейных отношений» [4, с. 110]. Ученые отмечают, что сегодня наиболее радикально трансформируются супружеские отношения, что, в свою очередь, влечет за собой преобразование родительских и родственных связей. Подтвержде-

нием тому могут служить языковые знаки, зафиксированные нами в дискурсе белорусских средств массовой информации, свидетельствующие о серьёзной трансформации стереотипа семьи (*офисная мама, горе-мать, нерадивая мать, мать-кукушка, выходной папа, папа-банкомат, отец-одиночка, горе-папаша, нерадивые родители, горе-родители, трудные родители, пробный брак, неудобные дети, кукушкины дети, снэк-брак, чайлд-фри, пробный шар (брак)* и др.).

Изучение и осмысление подобных преобразований невозможно без учёта представлений о брачных отношениях в традиционном обществе. Мы обратились к русскоязычным и белорусскоязычным паремиям как особому виду текста, позволяющему не только глубже раскрыть содержание стереотипов, но и выявить те пласты в их содержании, которые являются наиболее устойчивыми, закреплёнными и сильнее всего автоматизированными. По мнению Е. Бартминского, пословицы кодифицируют общественное знание в его популярном варианте и моделируют коллективное поведение. Кроме того, в пословицах сформулированы обобщающие, категориальные суждения о предмете нашего исследования – стереотипе супружества. Уточним, что под стереотипом, вслед за Е. Бартминским, мы понимаем субъективно детерминированное представление о предмете, охватывающее как описательные, так и оценочные признаки, а также являющееся результатом интерпретации действительности в рамках социальных познавательных моделей [1, с. 190].

Стереотип брачного союза в ПКМ. В пословичной картине мира брачный союз (женитьба) противопоставлен одиночеству (по В. И. Далю) в рамках оппозиции «норма – отклонение от норм». Это связано прежде всего с тем, что семья воспринималась как материальная и моральная основа общества (*Семейный горшок всегда кипит; Гуртовая копейка виднее; Хорошая жена да жирные щи – другого добра не ищи; Дзе дружына, там хлеб; Тут і я, тут і жонка мая, тут і мае дзеці, любя паглядзеці*). Одиноким человеком, у которого *ни роду, ни племени*, оценивался как неполноценный член социума (*Не женат – не человек; Холостой – полчеловека; Адзін, ды нелюдзін*), ему сочувствовали, жалели (*Живешь – не с кем покалякать; помрешь – некому заплакать; И в раю жить тошно одному; Адзін не жыхар, так, як гарох пры дарозе: хто ідзець, шчыпнець; Ні сена, ні аброку, ні бабы пры боку*).

Профиль брака можно представить следующим образом:

1) *брак* – начало семьи, необходимое и обязательное условие ее возникновения. Пословицы типа *Не то беда, что рано родила, а то беда, что поздно обвенчалась; У крапіве жаніліся; Шлюб пад плотам, а вяселле потым* имеют отрицательные коннотации и свидетельствуют о том, что близкие отношения до свадьбы были недопустимы и осуждались. Как отмечает М. В. Довнар-Запольский, при заключении брака у белорусов большое значение придавалось сохранению девственности невестой. «Девушку, утратившую ее еще до свадьбы, ожидало безвыборное супружество, когда она вынуждена была выйти замуж за вдовца или бедного сироту» [2, с. 325]. Стоит также отметить, что венчание в храме было обязательным актом и составной частью свадебного обряда. В то же время «брак с венчанием, но без свадьбы в народе не признавался» [2, с. 325].

2) *брак* – ключевое событие в жизни человека (*Трижды человек дивен бывает: родится, женится и умирает; Дай, Бог, раз жениться, раз креститься и раз умереть*);

3) *брак* предопределён свыше (*Смерть да жена – Богом суждена; Калі Бог судзіць, то і чорт не разгудзіць; Суджанага канём не абедзеш*);

4) *брак* может быть только один и на всю жизнь (*Дай Бог – с кем венчаться, с тем и кончатся; Хай будзе люб твой шлюб і каб да смерці без браку*);

5) *брак* – серьезный и ответственный шаг, который следовало совершать обдуманно (*Жениться – не лапоть надеть; Умирать – не в помирушки играть, а свенчаться – не сплясаться; Ажаніцца – не ўтаніцца*). В пословичной картине мира постоянно звучит мотив предостережения от возможной ошибки, от принятия поспешного решения (*Скорая женитьба – видимый рок; На резвом коне жениться не ездит!; Женился на скорую руку да на долгую муку; Ажаніцца, як і паміраць, не спяшайся*);

6) *брак* должен основываться на любви и взаимном согласии (*Свадьбе быть можно, когда жених с невестой любятя не ложно; Совет да любовь – на этом свет стоит; Любо – так к венцу, не любо – к отцу; Невольная женитьба не делает веселья; Калі любіш – ажаніся, а не любіш – адкасіся*). Несмотря на определяющую роль экономических соображений при создании семьи в традиционном обществе, в паремиях о выборе спутника жизни звучит мотив предостережения от «брака по расчету» (*Через золото слезы льются*;

Не с богатством жить – с человеком; Не бери жену богатую, бери непочатую!). Особое предупреждение – мужчине, который решил жениться на девушке из богатой семьи (*Большое приданое мужа не сделает; Богатую взять – станет попрекать; Богатую невесту беручи, да думай о том, как семью кормить*);

7) брак – трудности, испытания (*Женишься раз, а плачешься век; В девках сижено – горе мыкано, замуж выдано – двое прибыло; Жаницца – не мёду напiцца*). В большей мере это относится к женщине, на долю которой выпадают не только слезы и страдания, но и побои мужа (*В девках сижено – плакано, замуж хожено – выто; Замуж выйси – трэба знаці: позна легчы, рана ўстаці*).

Стереотип мужа в ПКМ. В традиционной семье муж являлся главой, его власть была беспрекословной. Глава семьи нес моральную и материальную ответственность за всех ее членов. Со стороны домочадцев к нему предъявлялись определенные требования. «Основным из них было умелое ведение хозяйства, разумное распоряжение семейным имуществом, трудолюбие, справедливость. Ему не прощались пьянство и лень» [2, с. 337]. Именно общественной ролью мужчины, его функциями в семье обусловлено то, что лексема *муж* во многих устойчивых сочетаниях нередко заменяется языковыми знаками *хозяин* (рус.), *гаспадар* (бел.) (*Хозяин в доме, что Адам в раю; Гаспадар – галава ў хаце*).

В ПКМ стереотип *мужа* осмысливается в рамках оппозиций:

1. «Хороший – плохой». Данная оппозиция представлена как в русскоязычных, так и белорусскоязычных паремиях асимметрично: выражений с критикой недостатков мужа относительно немного (*Плохо стужа да нужда, а все лучше худого мужа; У плохого мужа жена всегда дура; Хоць я не людзі, ну і Хама не чалавек; Сам мужычок з кулачок, а зла, як у казла*), в то время как пословиц с компонентом «хороший муж» значительно больше (*Нашто грошы, калі мужык харошы; Калі добры муж, то і жонка добрая; За добрым мужыком і гулінда жонка*). Наиболее характерными для пословичной картины мира являются паремии типа *Плохой муж умрет – добрая жена по дворам пойдет; С ним горе, а без него вдвое; Хоть лыками шит, да муж; Худ мой Устим, да лучше с ним; Сякі-такі, а ўсё ж свой; Хоць які цяляпей, але ўдваіх ляпей*, в которых заключена идея, точно сформулированная в пословице *Сякі-такі, абы быў, абы хлеба зарабіў*.

2. «Умный – глупый». Одним из главных достоинств мужчины в традиционной семье считался ум (*Мужа чтут за разум, жену по уму (т.е. за доброе поведение); У жонкі язык доўгі, а ў мужыка розум добры*). Умный муж всегда берёт свою жену, заботился о ней (*У умного мужа жена выхолена, у глупого по будням затаскана*). С умным даже глупая жена становилась умнее (*У умного мужа и глупая жена досужа*).

3. «Молодой – старый». В пословичной картине мира нашли отражение взгляды наших предков на то, какой должна быть разница в возрасте между мужем и женой. Пословица *Невеста родится, а жених на коня садится* свидетельствует об «идеальной» разнице в три – семь лет, так как на коня мальчика сажали именно в этом возрасте. Любые отклонения от этой нормы оцениваются народной мудростью, как правило, негативно, что отчётливо наблюдается при осмыслении языкового знака *старый муж* (*Старого мужа соломякою прикрою, молодого сама отогрею; Старый конь на убой, старый муж на смех; Старый муж и на руку колодой валится; З старым жыць – воўкам выць; З старым і грэх і смех; Муж стары, жонка малада, то агонь да вада; Старога кахаць – гараваць*). Отрицательные коннотации этого языкового знака во многих паремиях объясняются тем, что замужество за стариком вело к «размыванию» общественного и семейного статуса женщины (*Молодица у старика – ни девка, ни баба, ни вдова*), следовательно, было нежелательным (*От белого света отстану, а старого любить не стану*). Хотя, стоит отметить, есть единичные паремии, в которых замужество за стариком оценивается положительно (*Любит жена и старого мужа, коли не ревнив; Жыць за старым – быць у павазе, а за маладым – у знявазе*).

Профиль мужа в ПКМ можно представить так:

1) *муж* – глава семьи (*Муж – голова, жена – душа; Муж в дому, что глава (крест) на церкви; Муж – галава ў хаце; Сям'я без галавы – не сям'я*). Власть главы семьи была бесспорной (*Муж жене – закон*); жене предписывалось почитать, уважать своего мужа, быть послушной ему во всём (*Жена мужа почитай, как крест на главе, муж жену береги, как трубу на бане! Там і Бог раюе, дзе жонка мужыка шануе*). Использование во многих паремиях таких языковых знаков для характеристики мужа, как *крест на церкви, пастырь, Адам* и др. свидетельствует о сакрализации образа мужа в пословичной картине мира. Аномальным явлением в традиционной семье

считалось *давать жене волю, спускать жене*, о чем свидетельствуют пословицы *Худо тому мужу, у которого жена большая в дому; Дазволь жонцы пагуляць – паверх галавы пойдзе* и др.;

2) *муж* – главный добытчик и кормилец, на нём лежит ответственность за благосостояние семьи (*Жена пряди рубашки, а муж тьяни гуж; Муж – дому строитель, ницете отгонитель; Хоць кулаком б'е, але хлеб дае; Хлеба не стане – гаспадар дастане*);

3) *муж* – защита и опора для жены (*За мужнину жену есть кому вступиться; За мужыковой спіной, як за сцяной*). Такое отношение мужа возвышает и жену (*За хорошим мужиком и свинка господинка; Жена мужем красна; За сокалам і варона сакаліца*). Только имея мужа, женщина могла чувствовать себя в безопасности (*За мужа завалюсь, никого не боюсь*);

4) *муж* дисциплинирует жену. В традиционной семье мужу вменялось в обязанность бить свою жену, что, с одной стороны, расценивалось как проявление любви, с другой стороны, как учение, воспитание (*Любить жену – держать грозу; Кого люблю, того и бью; Бабу бі молатам, зробіш золатам*). Более малочисленной является группа пословиц, в которых предписывается относиться к жене ласково и с уважением (*Держи жену в ласке, дочку – в сохранности, ссоры не будет; Пей пиво, да не лей, а люби жену, да не бей; Почитай отца и мать – жену впятеро*);

5) *муж* несет ответственность за свою жену (*Родители берегут дочь да венца, а муж жену – до конца*);

6) *муж*, в отличие от жены, незаменим. Считалось, что жена без мужа – *всего хуже, всегда сирота*. Положение женщины, которая со смертью мужа лишалась единственной опоры в жизни, было особенно тяжелым и незavidным (*Вдову Бог бережет, а люди не берегут; Горькие похороны, когда жена мужа хоронит; С ним – горе, а без него – вдвое; Удава – бедная галава; Жыццё ўдавінае – савінае*).

Стереотип жены в ПКМ. В ПКМ стереотип *жены* осмысливается в рамках следующих оппозиций:

1. «Хорошая (добрая) – плохая (злая, худая)». В паремиологическом фонде как русского, так и белорусского языка эта оппозиция является наиболее многочисленной. *Хорошая жена* осмысливается как наивысшее благо, добро, счастье (*Добрая жена да жирные щи – другого добра не ищи; Добрую жену взять – ни скуки, ни горя не знать; Калі баба добра, то ўсё добра; Добрая жонка цяплей за валёнкі*);

злая, плохая жена – как зло, горе (*Всех злее злых злая жена; Злая жена сведет мужа с ума; Добрая жонка – вянец, а ліхая – канец*). Хорошей жене приписываются такие качества, как домоседство (*Доброй жене домоседство не мука*), бережливость (*Добрая жена дом сбережет, а плохая рукавом разнесет*), хозяйственность (*Добрая жена хозяйству научает, а злая от дома отлучает*), трудолюбие (*Мая жоначка божая пчолачка*) и др. Плохая жена определяется как блудница, поборница греху (*Злая жена – поборница греху; На злой жене одна только печь не побывает*); она бесхозяйственна и расточительна (*Добрая жена хозяйству научает, а злая от дома отлучает; Добрая жонка дом зберажэ, а ліхая рукавом растрасе*), хитра и коварна (*Злая жена – та же змея; Перахітрыў бы жонку, ды сама з хітрай старонкі*) и т. д. В ПКМ плохая жена ассоциируется с нечистой силой (*Чорт і баба – адна рада; Кожная баба – ведзьма; Бог сздаў тры зла – чорта, бабу і казла*). При актуализации недостатков лексемы *женищина, жена* практически всегда заменяются языковым знаком с отрицательными коннотациями *баба*. Мотив перевоплощения робкой и застенчивой девушки в злую бабу звучит в таких пословицах как *Девичьи – хороши, красные – хороши, откуда же худые жены берутся; Все дзяўчаты, як цяляты, дык адкуль жа злыя бабы?*

2. «Красивая – умная». В пословичной картине мира женская красота осмысливается как что-то недолговечное, непостоянное (*Девичья красота да возрасту, молодичья до веку; Дзявочы век як макаў цвет*). Во многих паремиях ум ставится выше красоты (*Красота приглядится, а ум пригодится; Красота – до венца, а ум – до конца*). В русскоязычных пословицах типа *Хорошая (пригожая) жена – лишняя сухота; Жена-красавица – безочному (слепому) радость; Глупому мужу красная жена дороже красного яйца* женская красота рассматривается как угроза семейной жизни, источник неприятностей; только слепой или недалекый человек может радоваться жене-красавице. В то же время в таких белорусскоязычных паремиях, как *Пакарай, Божа, таго, у каго грошай няма і жонка некрасіва; Рабая баба ўсё роўна, як жаба: ні людзям паказаць, ні сабе паглядзець* красота расценивается как важная характеристика жены.

3. «Здоровая – больная». Среди требований, предъявляемых женщине в традиционной семье, было хорошее здоровье (*кровь с молоком*). От этого во многом зависело семейное благополучие, так как

только здоровая жена могла успешно выполнять свои основные функции: вести домашнее хозяйство и рожать детей (*На что коро- ва, была бы жена здорова; Адзенне добра новае, а жана здаровая*). В ПКМ запечатлено негативное отношение к бесплодной женщине, которая во многих паремиях описывается с помощью лексем со значением 'пустой, пустая' (*Женщина без детей – пустая бочка с тряп- ками; Детей нет – жена пустоцвет*). Состоянием здоровья женщи- ны определялись и чувства мужчины к ней (*Больная жена мужу не мила; Сястра брату міла багата, а мужыку жонка здарова*).

Профиль *жены* в ПКМ можно представить следующим образом:

1) *жена* – подруга, помощница и советчица мужа (*Жена мужу – подруга, а не прислуга; Жена для совета, теца для привета, а нет милей родной матери; Три друга: отец, да мать, да верная жена; Худое дело, коли жена не велела; Не заўсёды добра жонкі не паслу- хаць; Баба ніколі не скажа ў глум*);

2) *жена* – хозяйка в доме (*Баба да кошка – в избе, мужик да соба- ка – во дворе; Хата гаспадыню красна; Без гаспадынькі хата, што дзень без сонца; Якая гаспадыня, такі і парадак*). В домашних делах женщине принадлежит первенство (*Хозяйкою дом стоит; Хозяйка лежит – и все лежит, хозяйка с постели – и все на ногах*). Соот- ветственно заботами о хозяйстве определяется и место женщины в доме (*Бабе там место, где месят тесто; Бабе дарога – ад печы да парога*). Стоит отметить, что в тех случаях, когда актуализируются такие положительные качества женщины, как трудолюбие, хозяй- ственность, бережливость, лексема *жена (жонка)* в некоторых посло- виях заменяется лексемой *хозяйка (гаспадыня)*;

3) *жена* – хранительница семейного очага, от нее во многом за- висит микроклимат в семье (*Женщина может и создать семью и разрушить ее; Мир в семье женой держится; Хорошая жена – юрт; Кто жонку добру мае, той гора не знае*);

4) *жена* полностью зависит от мужа, подчиняется ему (*Жена мужу пластырь, муж жене – пастырь; Жена – кабальный батрак; Мое дело – сторона, а мой муж прав*);

5) *жена*, в отличие от мужа, заменима (*Бог не обидит: бабу от- нимет, девку даст; Не плач за жонкай: будзе другая; Жонку ў яму, а сам на другую гляну*). Несмотря на то, что положение мужчины- вдовца было достаточно печальным (*У кого жена не умирала, у того и горя не бывало*), он мог снова жениться (*Не будет галя, так будет другая*).

Как видим, в ПКМ стереотипы *мужа* и *жены* диаметрально противоположны, противопоставлены друг другу. Несмотря на это *муж* и *жена* в традиционной семье воспринимаются как единое целое (*Муж да жена – одна душа; Муж да жена – одна сатана; Жена да муж – змея да уж; Где муж, там и жена; У мужа и жены мысли одни; Мужык ды баба – адна рада; Антось ды Хвядора – што лапаць ды абора*). Совместным трудом обоих супругов держится всё хозяйство (*Иглой да бороной деревня стоит*). Муж и жена одинаково оберегают своё имущество (*Мужик да собака – всегда на дворе, баба да кошка – всегда в избе*), которое считается неделимым (*У мужа с женою животы нераздельны*). В паремиях постоянно звучит мотив предостережения от вмешательства в чью-либо семейную жизнь (*Не суди мужа с женой! Жену с мужем Бог разбирает; Муж с женой бранится, да под одну шубу ложится; Дзе мужык з жонкаю сварыцца, то трэці не мяшайся*).

Ключевыми понятиями, определяющими совместную жизнь супругов, являются *семейное согласие, совет, мир, лад* (бел. *лад, згода*): *Семейное согласие всего дороже; Сам Бог рад, калі ў сям’і лад. Согласие в ПКМ осмысляется как созидающее начало, ссоры и раздор – как разрушающее, деструктивное (Згода будзе, нязгода руйнуе)*.

В традиционной семье брак прекращался только со смертью или пострижением в монашество одного из супругов (*Повенчаэт поп, а развенчаэт гроб; От злой жены одна смерть спасает да пострижение*). Развод как способ прекращения брака не допускался (*Связала судьба по рукам – не развязать до веку; Женицьба есть, а раз-женицьбы нет*), что и объясняет отсутствие в пословичной картине мира лексемы *развод*.

Таким образом, реконструкция фрагмента пословичной картины мира, связанного с представлениями о брачных отношениях в традиционном обществе, позволяет выявить обобщающие, категориальные суждения о предмете нашего исследования – стереотипе супружества. Без учета представлений о брачных отношениях в традиционном обществе невозможно изучение и осмысление тех изменений, которым подвергается данный стереотип, а также стереотип семьи в целом, в современном обществе.

Литература

1. Барминский, Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / пер. с польского. – М. : Индрик, 2005. – 528 с.

2. Беларусы. – М. : Наука, 1998. – 503 с.
3. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / склад. Ф. Янкоўскі; праф. Д. Я. Бугаёва. – Мінск : Бел. навука, 2004. – 494 с.
4. Бурава, С. Н. Состояние института семьи в условиях трансформации белорусского общества / С. Н. Бурава, А. В. Демидова // Социология : Научно-теоретический журнал. – 2008. – № 2. – С. 110–118.
5. Даль, В. И. Пословицы, поговорки и присловия русского народа / В. И. Даль; [предисловие В. Татарина]. – М. : Эксмо, 2008. – 896 с.
6. Пословицы. Поговорки. Загадки / сост., авт. предисл. и коммент. А. Н. Мартынова, В. В. Митрофанова. – М. : Современник, 1986. – 512 с.
7. Прыказкі і прымаўкі / рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – 616 с.
8. Садоўская, А.С. Адлюстраванне гендэрных адносін у беларускай, рускай і сербскай парэміялогіі / А. С. Садоўская, Д. С. Суслаў // Працы кафедры сучаснай беларускай мовы. — Вып. 6; пад рэд. А. Я. Міхневіча. – Мінск : РІВШ, 2007. – С. 116–121.